

ПРОЛОГ,

*в котором, как это часто бывает, медленно проявляются
контуры будущего, но никто понятия не имеет,
каким оно окажется*

— «...таким образом, любезный кузен, я настоятельно рекомендую принять мой план мирного раздела Заграты и согласиться с тем, что на юге континента будет создано Инкийское королевство. Его столицей я вижу Зюйдбург. А его властителем — себя. В дальнейшем ты можешь рассчитывать на крепкую дружбу...»

— Наглец! — не сдержался генерал Махони.

Командующий королевскими вооруженными силами славился взрывным характером и далекими от идеала манерами. Он искренне считал, что зычный голос, крепкие словечки и умение по малейшему поводу выходить из себя являются качествами настоящего полководца. К сожалению, базировалась эта вера лишь на мемуарах военачальников, которые молодой Махони тщательно штудировал в дни романтической юности — настоящий боевой опыт у генерала отсутствовал.

— Я считал, что Нестора придется расстрелять, как человека чести! А теперь вижу, что он должен болтаться на веревке, как подлый разбойник! Да! Именно на веревке! Пусть обделается перед смертью.

Остальные сановники встретили выпад бравого Махони молчанием. Никто не поддержал генерала, что неприятно кольнуло наблюдавшего за их реакцией короля. Никто

не выразил желания лично вздернуть Нестора или хотя бы оплатить веревку.

«Надеюсь, им помешало хорошее воспитание, — угрюмо подумал Генрих II. — Воспитание — и ничто иное».

Неприятная пауза затягивалась, и король едва заметно кивнул секретарю, приказывая продолжить чтение.

— «Считаю также, любезный кузен, что наши подданные пролили достаточно крови и дальнейшее противостояние способно погубить Заграту. Зато плечом к плечу мы приведем наш славный мир к процветанию...»

— Достаточно!

Нестор дер Фунье составил послание в форме личного письма, адресованного «любезному кузену», и ни разу не упомянул официальный титул Генриха. Такое обращение само по себе являлось оскорблением, но на фоне остальных деяний мятежного адигена¹ эта дерзость казалась незначительным штрихом.

— Теперь мы точно знаем, чего он добивается, — обронил Стачик, генеральный казначей Заграты. — Маски, так сказать, сброшены, и пути назад нет.

Произнеся эту фразу, Стачик опустил взгляд и хрустнул длинными пальцами. Ему не хотелось ничего говорить, однако воцарившаяся в кабинете тишина угнетала казначея сильнее, чем необходимость начинать неприятный разговор.

— Мы знали его цель с самого начала, — скрипнул генерал Джефферсон, толстый начальник заграбийской полиции, обладающий уникальной способностью потеть при любых обстоятельствах, даже на лютном морозе. А поскольку в королевском кабинете было душновато, голубой мундир главного полицейского давно стал черным под мышками. — Нестор дер Фунье рвется к власти.

---

¹ Смысл этого и других принятых в Герметиконе терминов разъясняется в словаре (*прим. ред.*).

А Генрих вдруг подумал, что жест Джефферсона мог быть красноречивее, агрессивнее. Чуть приподнять руку, чуть крепче сжать кулак, возможно — чуть потрясти им... Но начальник полиции скомкал платок, как нервная барышня, чей кавалер отправился танцевать с другой, и тем не порадовал короля.

— Время для бунта Нестор выбрал неудачное, — печально вздохнул генеральный казначей. — Экстренные закупки продовольствия истощили резервы.

— Потому Нестор и ударил, — объяснил Джефферсон, вытирая пот с толстой шеи. — Неурожай оставил без работы сезонных рабочих, многие от отчаяния сбиваются в разбойничьи банды...

— С которыми вы не в состоянии справиться! — не преминул кольнуть старого недруга Махони.

Полицейский тяжело посмотрел на военного, потом на короля, на лице которого все отчетливее проявлялось выражение неудовольствия, однако уклоняться от словесной дуэли не стал:

— Хочу напомнить, генерал, что Нестор вышвырнул ваши гарнизоны так, словно они состояли из котят.

Махони оказался готов к отпору:

— Те полицейские, которые сохранили верность королю, бежали впереди отступающей армии.

— Половина которой ушла к Нестору.

— Не половина, а четверть.

— Чем вы, безусловно, гордитесь.

— Присутствующим хорошо известно о тонкостях ваших взаимоотношений, синьоры генералы, — язвительно произнес Фаулз.

Премьер-министр заметил, что Генрих вот-вот впадет в бешенство, и поспешил сгладить ситуацию.

— У меня еще не было возможности вступить с Нестором в настоящий бой, — проворчал Махони, перехватив яростный взгляд короля.

— И радуйтесь, — буркнул Джефферсон.

Генрих со значением поднял брови, однако полицейский, к некоторому удивлению короля, его взгляд выдержал. Старый генерал сказал то, что думал, не оскорбил Махони, а напомнил об общеизвестном факте: у Нестора, в отличие от командующего королевскими вооруженными силами, с боевым опытом было всё в порядке. Его мечтали видеть в своих рядах лучшие армии Герметикона, однако дер Фунье решил заняться политикой...

— Армия должна получать денежное довольствие, а казначей решил сэкономить, — подал голос Махони. — Нестор банально купил наши войска.

— Хочу напомнить, что нам нужно было спасти северные провинции от голода, — торопливо произнес Стачик.

— А откуда деньги у Нестора? — осведомился Фаулз. — Он содержит наемников, подкупает наши войска, а это, знаете ли, весьма существенные суммы.

— Проблема не в том, что у Нестора есть деньги, а в том, что их нет у нас, — грубовато оборвал дискуссию король. Помолчал и бросил: — Я хочу понять ситуацию.

«Они растеряны, они в замешательстве, они не знают, что делать. Они справлялись со своими обязанностями в мирное время, но рассыпались, едва начались настоящие трудности. Они...»

«Они не адигены», — сказала бы бабушка, презрительно выпятив нижнюю губу. И Генрих мысленно согласился со старухой: «Да, не адигены».

И Джефферсон, и Стачик, и Фаулз, и Махони — все они обычные люди, волею судьбы занесенные на вершину власти. Превосходный исполнитель, ловкий интриган, прожженный популист и откровенный карьерист — полный набор политических портретов современности. И ни один, к сожалению, не обладает всепоглощающей уверенностью в собственных силах, которой славились чистокровные адигены.

«Эту уверенность должен вселять в них я...»

Тем временем секретарь раздвинул шторы, за которыми скрывалась огромная, во всю стену, карта континента, и Махони, поморщившись, отправился докладывать обстановку:

— Десять дней, которые прошли с начала мятежа, Нестор использовал с максимальной выгодой. Сейчас он полностью контролирует семь провинций левого берега Касы, вплоть до Урсанского озера, которое дер Фунье решил считать северной границей своего будущего королевства. — Генерал выдал из себя презрительный смешок, однако, никем не поддержанный, поспешил стереть с лица наигранную веселость. — Наместники или примкнули к мятежнику, или были изгнаны. В некоторых правобережных провинциях тоже отмечены волнения, однако Нестор Касу не переходит...

— Не хочет или боится?

— Полагаю, ждет нашего хода, ваше величество.

«Ждет? Логично. Дебют за Нестором, теперь наша очередь. И, как ни печально, наш ход предсказуем...»

Король внимательно посмотрел на карту, мысленно разделив континент на две части, после чего уточнил:

— Инкийские горы?

— Полностью под властью Нестора.

— Выход к Азеанской пустыне?

— Тоже.

— Азеанская пустыня, ваше величество? — Фаулз не смог справиться с удивлением. — Какое нам дело до этой безжизненной местности?

— Это моя земля, — холодно объяснил Генрих, не отводя глаз от карты. — Разве нет?

— Именно так, ваше величество, — подтвердил Фаулз. — Просто в Азеанской пустыне никто не живет, вот я и подумал...

То ли Фаулз уже перестал считать южные провинции собственностью короны, то ли попросту не понимал, для

чего кому-то может понадобиться бесплодная пустыня, ведь там нет избирателей...

— Главной потерей следует считать Инкийские горы, без руды которых наша промышленность...

— Главной потерей следует считать семь провинций, жители которых почти в полном составе поддержали мятежника! — рявкнул Джефферсон. — Проблема в людях, а не в горах!

— Но наша промышленность...

Король почувствовал нестерпимое желание выпороть Фаулза. На конюшне, разумеется, и чтобы все, как положено: вопли, слезы, свистящая плетка... Шеренга цивилизованных предков возмутилась: «Как можно?», и только бабушка выдала грустную улыбку: «Мысль хорошая, но запоздалая».

«Эх, бабушка, бабушка... Что бы ты сказала, узнав, что я потерял семь провинций за десять дней?»

В следующий миг Генрих пережил острый приступ жалости к себе, после которого пришла злость.

— Махони!

— Слушаю, ваше величество! — Генерал по-прежнему торчал у карты.

— Что у Нестора с войсками?

— По нашим оценкам, армия мятежников не превышает двенадцати тысяч человек, из которых около четырех тысяч — кавалерия. Примерно треть от числа составляют наемники, еще треть — наши войска, перешедшие на сторону Нестора, остальное — ополчение. Мобилизацию в захваченных провинциях Нестор не проводит, ограничивается добровольцами, но в них недостатка нет. — Махони злобно посмотрел на Стачика: — Денег у мятежника полно.

Генеральный казначей безразлично пожал плечами.

— Тяжелой техники у Нестора нет, и промышленность Зюйдбурга ее не даст, — продолжил генерал, не дождавшись хоть какой-нибудь реакции на свой выпад. — Южные

заводы способны производить патроны, гранаты, холодное и стрелковое оружие, но артиллерия и уж тем более бронетяги им не по зубам.

Мог бы и не уточнять, поскольку артиллерию и бронетяги на Заграте никогда не производили. И захватить тяжелую технику Нестору было негде — вся она, включая и единственный бронепоезд, была сосредоточена в Альбурге, под зорким королевским оком.

— К тому же у нас есть два импакто, — робко напомнил Фаулз.

— А еще — тридцатитысячная армия. И возможность формировать ополчение. И бронетяги с артиллерией. И бронепоезд. И два импакто...

Генрих почувствовал прилив уверенности в собственных силах.

«Раздавлю!»

Нестор справился с гарнизонами? Ха! Там были жалкие рекруты, вставшие под ружье от безысходности. Теперь же мятежнику придется встретиться с бригадой бронированных машин, воздушными крейсерами, драгунскими полками и отборными солдатами королевской гвардии! Там и посмотрим, кто кого!

— Я ведь сказал, что мы еще не сражались, ваше величество, — проворчал Махони.

Он словно прочитал мысли Генриха.

«Раздавлю!»

— У Нестора есть паротяги, — напомнил Джефферсон, извлекая из кармана чистый платок. — Их можно переделать...

— Нормальной брони промышленность Зюйдбурга не даст, а то, что они сделают на коленке, мы разнесем в пух и перья! — Проштудированные Махони мемуары свидетельствовали: подавляющее преимущество гарантирует победу, и у генерала выросли крылья. — Одно сражение, и мятежник будет... — Быстрый взгляд на Джефферсона. — И мятежник будет повешен.

— Сначала он должен предстать перед судом, — заметил Фаулз. — Имеет смысл преподать урок всем адигенам. На будущее.

— Сначала Нестора нужно разбить, — просипел Джефферсон. — И при этом удержать правый берег от волнений.

— Мы в выигрышном положении, ваше величество, — кашлянув, вступил в разговор Стачик. Генеральный казначей подумал, что сейчас самое время продемонстрировать «прагматичный взгляд» на сложившуюся ситуацию. — Альбург — сферопорт Заграты, а значит, мир в наших руках. Мы всегда будем полностью контролировать Нестора с его Инкийским королевством...

— Что?!

Замечание Стачика было абсолютно правильным, но прозвучало оно, мягко говоря, не вовремя.

— Я, наверное, ослышался. — У короля задергалось левое веко. — Вы предлагаете принять условия бунтовщика?

«Раздавлю!»

Генеральный казначей похолодел. Джефферсон набрал в щеки воздух и выдал тихое, но негодующее «пу-пу-пу». Фаулз неприятно улыбнулся — он терпеть не мог Стачика. Махони соорудил на лице презрительную гримасу.

— Я просчитываю варианты, ваше величество, и, возможно, не очень хорошо выразился, — поспешил оправдаться казначей. — Время за нас. Пусть Нестор и выиграл дебют, в дальнейшем он обречен. Мы контролируем поставки на Заграту иотрежем его от...

— Время против нас! — громко произнес Махони. — Когда Нестор поймет, что мы выжидаем, он перейдет Касу и вторгнется в северные провинции. А народ, как я уже говорил, спокоен...

Генералу очень хотелось подраться. Разгром южных гарнизонов Махони счел оскорблением и мечтал как можно скорее смыть с себя позор.

— Фаулз, сообщите ваше мнение о настроениях загра-тийцев.

— В парламенте кипят страсти, ваше величество, — протянул премьер-министр. — Если бы выборы состоялись в ближайшие дни, мы проиграли бы их с треском. И призывы Трудовой партии кажутся весьма опасными...

— У нас серьезнейшее совещание, — с трудом сдерживая гнев, произнес Генрих. — И я не хочу, чтобы вы использовали слова «кажется», «вроде бы», «наверное» и им подобные. Трудовая партия поддержала мятежников?

— Нет.

— Вопрос закрыт.

Отчитанный Фаулз покраснел и опустил глаза.

— А я все-таки приостановил бы на время деятельность парламента, — неожиданно вступился за премьер-министра Джефферсон.

Король удивленно воззрился на старого полицейского.

— У нас есть повод?

— У нас есть причина.

— Огласите ее.

— Нестор дер Фунье, ваше величество. До тех пор, пока мы его не разобьем, все политические силы Заграты обязаны перестать раскачивать лодку и сплотиться вокруг короны. Я считаю, что Трудовая партия вносит изрядную лепту в настроения северян. Их лидеры заявляют, что голод спровоцирован бездарными действиями правительства, и тем подрывают вашу власть.

— Мою власть? — изумился Генрих. — Джефферсон, опомнитесь!

— Монархическая партия ассоциируется у людей с короной, ваше величество. Их ошибки — это ваши ошибки.

Да уж, править мирным государством куда проще.

Король покачал головой:

— Заграта — не лодка, Джефферсон, а большой корабль, который невозможно перевернуть. Но вы правы: лишние волнения ни к чему, и если у нас нет повода разгонять парламент или запрещать Трудовую партию, мы не

станем ничего делать. Подданные должны видеть, что король уверен в своих силах.

— Да, ваше величество, — кивнул полицейский. — Совершенно с вами согласен.

— Но я понимаю ваши опасения, Джефферсон, — продолжил Генрих. — А потому уже завтра вы должны сообщить, какое количество войск необходимо оставить для поддержания на севере порядка.

Решение принято, и решение это — окончательное.

«Раздавлю!»

Король поднялся на ноги.

— Мы с генералом Махони отправляемся в экспедицию на юг. Пора преподать урок «любезному кузену» и показать, что в нашем мире всегда будет одно королевство — Загратийское.